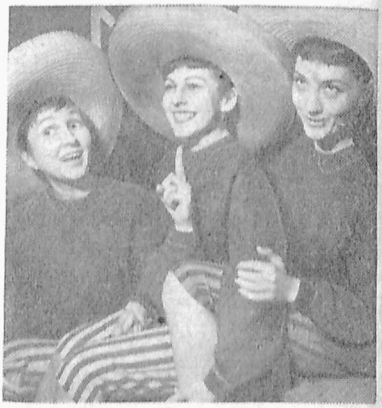


он пытается утолить алчность не во-время появившегося ростовщика и именно словами, фразами и новыми выдумками хочет он усыпить вновь пробудившиеся подозрения Теодора.

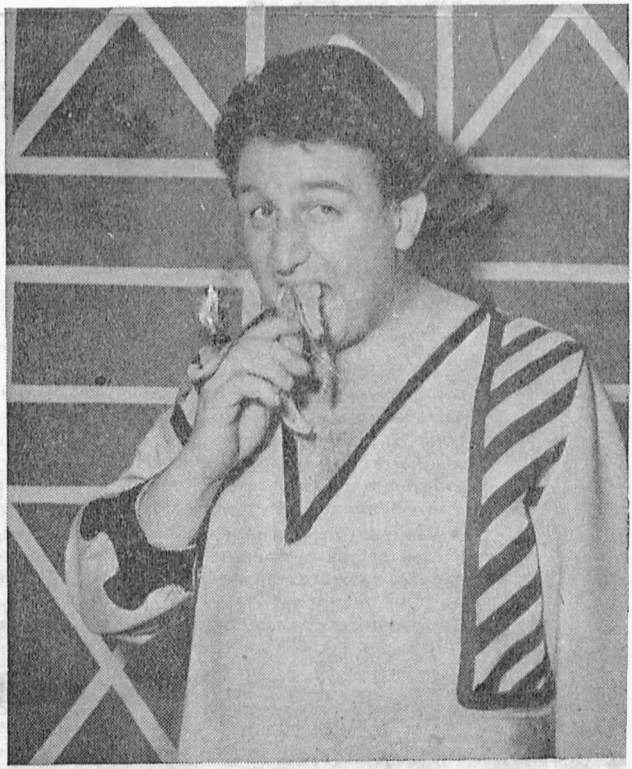
6

Но вот появляется господин Симон, которого Транион весьма неосторожно вовлекает в интригу. Этого сухонького старичка в розовом камзоле с меховым воротничком и с веером в руках занимают только две вещи на свете: чужие дела и собственное пищеварение. Чем-то похожий на большого сверчка, он то и дело над кем-то подхихикивает и ради того, чтобы позабавиться или выведать пикантную историю, не задумываясь, прозаложил бы родную мать. Это завсегдатай форума, похожий на тех неутомимых болтунов, которые вечно торчат под платанами в наших маленьких южных городках.

7

С одной стороны — одураченные старики, с другой — молодые заговорщики, а между ними плут-слуга, держащий в руках чаши весов. Здесь как будто бы все элементы классической комедии налицо. Но есть еще один элемент, который Плавт не забыл, а я с особой любовью попытался развить: это дети, рабы-подростки, соглядатаи всех плохо охраняемых тайн и строгие судьи безумств своих хозяев; они не находятся ни с кем в сговоре и живут в своем обособленном мире, мире, в котором невинность переплетается с мудростью, а покорность с нахальством. Они, сами того не зная, первые выбалтывают тайну. Они же составляют хор — поскольку во всякой античной пьесе надлежит быть хору — и заунывными голосами поют о страданиях блудных сыновей, о разгневанных отцах и неминуемой расплате.

8 Казалось бы, все пропало. Однако Симон, который вел себя весьма двусмысленно, самый подходящий козел отпущения, и Транион, пуская в ход последнюю хитрость, добивается того, что гнев отца падает на соседа и именно на его голову обрушивается поток моральных назиданий и поучений, которые не в силах более сдерживать Теодор. Все исступленно каются, и каждый воздает хвалу семейной жизни и благоразумию. Транион мастерски дирижирует этим славословием добродетели, а оставшись наедине, заключает: думать, что проповедями отцов, наставлениями моралистов и государственной мудростью можно переделать юность и обуздать ее порывы,— это действительно равносильно тому, чтобы гоняться за призраком.



Транион — Жак ФАБРИ

Фотографии БЕРНАНА